

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВОВ ИЗ РИТОРИЧЕСКИХ ВОПРОСОВ

Formation of Communicatives from Rhetorical Questions

Игорь Алексеевич Шаронов

Igor_sharonov@mail.ru

*Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)
(Москва, Россия)*

Igor Sharonov

Igor_sharonov@mail.ru

Russian State University for Humanities (RSUH, Moscow, Russia)

ISSN: 1698-322X ISSN INTERNET: 2340-8146

Fecha de recepción: 05.04.2021

Fecha de evaluación: 07.12.2021

Cuadernos de Rusística Española nº 17 (2021), 53 - 66

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена коммуникативам — грамматически аморфным ответным репликам «Мало ли что», «А то нет», «А то как же» и «А то», используемым в полемических типах русского дискурса. Эти и им подобные единицы служат для выражения коммуникативных интенций говорящего лица в диалогической речи. Рассматриваемые в статье коммуникативы формируются на основе особых синтаксических конструкций — риторических вопросов и эхо-реплик. Переход конструкций в коммуникативы происходит при реализации в дискурсе определенных стратегий, таких как возражение собеседнику или снисходительно-эмоциональное подтверждение его предположения. Этапы перехода исследуются в статье с позиций грамматикализации. Регулярное использование синтаксической конструкции в дискурсе приводит к ее упрощению, идиоматизации и наполнению экспрессивными коннотациями. В процессе анализа перехода риторических вопросов в коммуникативы рассмотрены способы агрессивного воздействия на собеседника в полемических диалогах. Работа вносит вклад в исследование области грамматикализации, коммуникативного взаимодействия и теории вежливости. Результаты исследования могут быть полезны для иностранных студентов.

Ключевые слова: диалог, коммуникативы, грамматикализация, риторические вопросы, дискурсивные стратегии, полемический дискурс.

ABSTRACT

The article is devoted to communicatives, grammatically vague response tokens, pointing to the prior utterance in dialog: «Malo li», «A to», «A to net», «A to kak zhe». Often, these tokens are used in some competitive types of Russian discourse. Communicatives serve as signals of the speaker's communicative intentions in talk-in-interaction. The tokens under analysis derive from special syntactic constructions — rhetorical questions and echo-cues. The transition of syntactic constructions into the domain of communicatives takes place when they realize special discursive strategies of objection, disagreement and confirmation, agreement. We analyze the transition stages using methods of grammaticalization. The syntactic constructions tend to lose its elements, become idiomatic and acquire expressive connotations been used stereotypically in talk-in-interaction. The special point of interest is to discover the ways a speaker humiliates the addressee in controversial dialogues. The article contributes to the theory of grammaticalization, communicative interaction and politeness research. The results of the analysis may be useful for foreign students of Russian.

Keywords: dialogue, communicatives, grammaticalization, rhetorical questions, discourse strategies, polemical discourse.

ВВЕДЕНИЕ

В дискурсивных исследованиях последних десятилетий уделяется большое внимание анализу этически и этикетно некорректного коммуникативного взаимодействия в языковой культуре. Значительная часть таких исследований проводится в методологических рамках расширенной теории вежливости. На материале анализа реальных устных диалогов с грубыми, агрессивными формами коммуникативного поведения рассматриваются разнообразные случаи намеренного и ненамеренного унижения адресата. С позиций адресата речи выявляются оценки высказывания говорящего как невежливого, обидного, унижающего и т. д. рассматриваются причины, приводящие к такой оценке (Culpeper, Jonathan (1996), Eelen (2001), Bousfield, Locher (2008)).

Русское бытовое и медийное общение в исследованиях по межкультурной коммуникации характеризуется как эмоциональное, относительно полемичное и обладающее повышенной конфликтностью. Считается, что русская модель коммуникативной вежливости по сравнению с «эталонной» англосаксонской в большей степени направлена на непосредственное выражение чувств и личного мнения, чем на сохранение почтительности к собеседнику (Ларина 2009); отмечается, что русские любят спорить, перебивать собеседника и в целом, по европейским меркам, не очень почтительны и церемонны, что русская коммуникация ярко окрашена различными формами экспрессии.

Разного рода невежливые, «агрессивно-сопоставительные» формы коммуникации русской речи рассматривались в работах Николаева (1990), Yokoyama (1990), Земской (1994), Бульгиной, Шмелева (1997), Иссерс (2002), Кустовой (2011), Брагиной, Шаронова (2019) и др. В этих работах отмечается, что русские бытовые диалоги имеют тенденцию к полемической борьбе собеседников, при которой истина может уступать место выяснению отношений между ними. Описываются стратегии упреков, передразнивания, коммуникативного саботажа, выявляются языковые маркеры превосходства, грубости, буллинга и т. д.

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДОЛОГИЯ

Изучение полемических коммуникативных стратегий русского диалога проводится разными методами: на основе собственного коммуникативного опыта исследователя, на основе дискурсивного анализа интервью или выступлений известных личностей, на основе разговорного анализа устных текстов и т. д. В настоящем исследовании выявление полемических коммуникативных стратегий проводится через анализ использования клишированных ответных реплик диалога и описание истории их трансформации в дискурсе, перехода в коммуникативы. Фрагменты диалогов с такими единицами (более 100) собраны из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru). Анализ контекстов с риторическими вопросами и производными от них коммуникативами позволяет выявлять скрытую механику диалогической борьбы собеседников за превосходство, тактики коммуникативных уловок собеседника.

Цель исследования — проанализировать генезис диалогических реплик «Мало ли что» и «А то» («А то нет»; «А то как же») и связанные с этим истоки их воздействующей функции в полемических диалогах. Данные единицы мы относим к особому дискурсивному классу русских коммуникативов: коротких ответных реплик диалога, конструкций в основном десемантизированных и грамматически аморфных. Эти стереотипные речевые формулы используются в позиции вторых элементов диалогической пары — минимальной единицы диалога. Они выражают иллюкутивный тип ответного речевого акта (далее — РА), мнение или оценку говорящего о предмете речи, собеседнике или третьем лице, характер эмоциональной реакции и т. д. Они часто имеют имплицитные дискурсивные свойства, определяющие их употребление в диалоге, в частности, значительную роль играет иллюкутивный тип, и форма предшествующей реплики, и проявляемое в ней ментальное или эмоциональное состояние собеседника (Шаронов 2012).

Класс коммуникативов морфологически разнороден в силу функционального принципа объединения в нем единиц: объединения в группы стереотипных ответных реплик со значением подтверждения, возражения, сомнения, удивления, удовлетворения и т. д. В класс коммуникативов входят стереотипные формулы, состоящие из одной частицы: «Да», «Вот»; «Ну»; сочетания частиц: «Ну нет», «Еще бы», из десемантизированного знаменательного слова: «Пустое», «Ничего», «Ладно», «Идет», «Давай»; сочетаний слов: «Подумать только», «Что ты»; коротких десемантизированных предложений: «Не скажи», «Что и требовалось доказать» и т. д. (Шаронов 2015).

Анализируемые в статье единицы относятся к подгруппе коммуникативов, построенных на основе служебных слов. Достаточно часто формирование таких единиц являет собой, согласно теории грамматикализации (Lehmann 2004), конечный этап последовательных трансформаций синтаксически свободных конструкций, приводящих к их формальному упрощению и идиоматизации. Обратное «развертывание» единиц, осуществляемое в исследовательских целях, позволяет выявить истоки их дискурсивно-прагматических свойств и коммуникативных эффектов.

По мнению ряда исследователей, придерживающихся теории грамматикализации, высказывания с общими компонентами можно рассматривать как звенья одной цепочки, как последовательность формальных и семантических модификаций, идущих от «источника» — той или иной конструкции. Начинается такая цепочка модификаций с наиболее полной и неидиоматизированной формы и заканчивается наиболее идиоматичной и грамматикализованной формой, в нашем случае — коммуникативом. В процессе грамматикализации семантика языковой формы переходит на более абстрактный уровень (Traugott 1995) и обрастает прагматическими и экспрессивными компонентами. Модификация, то есть формальное и семантическое упрощение конструкции, происходит под влиянием частотного и регулярного использования высказывания в определенной коммуникативной стратегии. Стереотипное использование приводит к экономии усилий в речи (так называемому закону экономии), поскольку узнаваемая собеседниками стратегия обеспечивает понимание конструкции в урезанном виде.

Одновременно с потерей семантических компонентов возрастает роль прагматики и экспрессии. Обратно пропорциональную зависимость семантики и экспрессии

продемонстрировал (Ш. Балли 2011: 51) на примере анализа ряда возможных реплик, передающих первую реакцию при неожиданной встрече двух знакомых, от максимально полной реплики *Я удивлен тем, что встретил вас здесь* до полного нуля — междометного выкрика *О!*. Экспрессия выкрика *О!* реализуется в выражающей изумление особой интонации и в жестово-мимическом сопровождении. В отличие от говорящего, использующего полноценное высказывание, говорящий, произносящий междометие, автоматически откидывает голову, широко раскрывает глаза, разводит руками.

Процессы грамматикализации хорошо прослеживаются при анализе цепочек, концами которых являются многие коммуникативы, построенные на основе служебных слов. Рассмотрим одну из дискурсивных стратегий, приводящую к формированию коммуникативов, содержащих скрытый удар по статусу собеседника. Это достаточно частотная полемическая стратегия русского дискурса — ответ на вопрос риторическим вопросом.

Случаи использования риторических вопросов в диалоге для резкого возражения собеседнику в полемике рассматривались, в частности, в работах Н. Д. Арутюновой (1970), Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелева (1997) и др. Имплицитный смысл в таких вопросах направлен на критику собеседника, его ментального статуса. Это разной силы укор (от легкого, почти незаметного до саркастического), поскольку, с точки зрения говорящего, собеседник, подумав самостоятельно, должен найти ответ в силу его очевидности и признать ошибочность своего предположения или мнения.

Модификацией риторического вопроса при ответе на вопрос являются реплики-повторы. Данный тип реплик был подробно рассмотрен Н. Ю. Шведовой (1960). Исследователь относит повтор к общенародному явлению русской диалогической речи. Реплика-повтор, она же «эхо-реплика» в терминологии Н. Д. Арутюновой, определяется как дискурсивно зависимая от стимулирующей ответная экспрессивно окрашенная реплика диалога, реакция на речь собеседника. Такая реплика состоит из одного или нескольких фиксированных компонентов, включающих вопросительное местоимение, и открытой валентности, заполняемой «цитатой», элементом иницирующего высказывания собеседника. Приведем несколько примеров эхо-реплик из указанной работы Н. Ю. Шведовой:

Без пальто идти? – Что ты без пальто!;
Проспишь! – Что это еще просплю!;
Дело прошлое. – Как же прошлое!

Носителю языка легко заметить, что негативность в репликах-повторах может касаться не только содержания высказывания, но и собеседника. Ср.:

Ты все это сам сделал? – Какое сам!

Ответная реплика передает РА возражения. Однако для толкования реплики недостаточно только указания на тип РА. Более точное толкование можно представить следующим образом: «Я возражаю тебе, конечно не сам, а ты наивен, предполагая возможность этого». Критическая направленность на ментальный статус собеседника может быть еще более ярко заметной в эхо-реплике со значением подтверждения:

Страшно? – А то не страшно?!

«Я подтверждаю, конечно, страшно, а ты наивен, не будучи уверен в этом».

Построение реплик-повторов внешне выглядит алогично: выражение отрицания или подтверждения оформлено через сочетание вопросительного слова с цитатным компонентом. Резонно представить такие конструкции как неполные и семантически содержащие вопрос к пресуппозиции собеседника. Можно попытаться восполнить недостающие компоненты в репликах-повторах, передающие имплицитные смыслы:

Без пальто идти? – Что ты без пальто!

= Что ты (такое говоришь? Как можно идти) без пальто?

Проспий! – Что это еще просплю!

= Что это еще (ты придумал, как это я) просплю?

Дело прошлое. — Как же прошлое!

= Как же (ты можешь думать, что) прошлое?

Таким образом, реплики-повторы можно описывать как эллиптические варианты риторических вопросов в результате их стереотипного использования при выражении стратегии возражения или подтверждения в ответ на реплику собеседника, с целью уколоть, наказать его за наивность или неуверенность.

Реплика-повтор — переходный этап в построении многих коммуникативов, построенных преимущественно на основе служебных слов. Эволюционное движение при стереотипизации реплик-повторов имеет продолжение. Ф. Коулмас (1981) пишет, что частота встречаемости языковой единицы и ее значение связаны обратно пропорционально: чем чаще используется в речи реплика, тем меньше ее семантическая и больше ее прагматическая значимость. Следующий этап грамматикализации через упрощение конструкции и ее идиоматизацию переводит реплики-повторы в коммуникативы. Рассмотрим процесс формирования коммуникативов «Мало ли что» и «А то» («А то нет»; «А то как же») из риторических ответных вопросов и их модификаций — реплик-повторов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Коммуникатив «Мало ли что»

Е. В. Падучева в (2009) пишет о конструкции «Мало ли + Р» как о особом риторическом вопросе, используемом в качестве развития предшествующей мысли говорящего или в качестве диалогической реакции. Исследователь пишет, что частица *ли* служит в риторическом вопросе оператором отрицания, и предлагает несколько разновидностей значения конструкции, обусловленных контекстом. Можно

заметить, что рассматриваемые Е. В. Падучевой контексты связаны с развитием предшествующей мысли говорящего. Риторическая конструкция «Мало ли + Р» выступает в составе аргумента при утверждении / принятии решения говорящим лицом. Ср.:

Мастер Амати решил поддержать на всякий случай Валечку при себе — мало ли чего еще могла натворить эта крыса, находясь среди людей! (Л. Петрушевская «Маленькая волшебница»).

= Потому что много могла натворить.

Лучше проводить. Мало ли что. С такой собакой не страшно. (А. Геласимов «Фокс Малдер похож на свинью»).

= Потому что может возникнуть много разных ситуаций, включая опасные.

К предложенным Е. В. Падучевой типовым контекстам употребления конструкции можно добавить еще один. В неформальном диалоге в ответ на утверждение собеседника о каком-либо третьем лице говорящий может использовать конструкцию «Мало ли + Р» в качестве РА возражения, используя тактику уменьшения важности утверждаемого. Компонент Р в конструкции выступает как эхо-повтор утверждаемой части реплики собеседника и присоединяется союзом «что». Ср.:

— О, еще хочет! <...> — Хочет он. Мало ли что он хочет, — буркнул второй. — Пусть заработает сначала. (А. Курчаткин «Счастье Вениамина Л.»).

= Он может хотеть много разного, не нужно относиться к этому серьезно.

— Ей нравится... — Мало ли что ей нравится — ребенку давно полагается быть в постели... у ребенка завтра контрольная по математике. (И. Безладнова «Такая женщина»).

= Ребенку может нравиться много разного, не нужно относиться к этому серьезно.

Они больше не придут. — Как не придут? Он же сказал — через два дня. — Мало ли что он сказал. Хочешь, поспорим? (А. Геласимов «Ты можешь»).

= Он может говорить много разного, не нужно относиться к этому серьезно.

Важность утверждаемой части в мнении третьего лица нейтрализуется рядом возможных альтернативных или антагонистических утверждений. Общее толкование ответных реплик данного типа, формирующих РА возражения, неприятия мнения собеседника благодаря преуменьшению важности такого мнения можно представить следующим образом:

Х много чего (разного) говорит / хочет / любит / чувствует и т. п., поэтому не нужно считать это серьезным, важным, принимать во внимание.

Объектом таких диалогов выступает отсутствующее третье лицо, поскольку принижение мнения человека в его присутствии может быть воспринято как оскорбление и чревато серьезным конфликтом. Ср.:

Мало ли чего ты считаешь / хочешь / любишь!

Такие реплики, если и встречаются, то только при грубовоспитательном общении с детьми или в ситуациях острого конфликта между близкими людьми.

В редких случаях объектом нивелирования может выступать сам говорящий:
— *Ты же говорил...* — *Мало ли что я говорил!* — *перебил Виноградов.* (П. Галицкий «Опасная коллекция»).

— *Ты хочешь, чтобы Sandra была только твоей, ведь так?* — *Мало ли что я хочу. Желания — дело неподконтрольное. И часто вредное.* (А. Слаповский «100 лет спустя. Письма нерожденному сыну»).

В полемическом диалоге, когда говорящего загоняют в угол напоминанием о его утверждениях, намерениях, говорящий может представить себя как не всегда способного придерживаться своих ранее высказываемых позиций. Данная стратегия позволяет говорящему выйти из критической ситуации, однако чревата частичной потерей авторитета в глазах собеседника.

Регулярное использование конструкции «Мало ли + Р» в диалогической стратегии возражения собеседнику приводит к ее упрощению и окончательной грамматикализации. Конструкция теряет цитатный компонент, но сохраняет союз *что*, намекающий на его исходную форму. В результате риторический вопрос обретает вид: *Мало ли что!* Конструкция идиоматизируется и тем самым переходит в коммуникатив со значением возражения и легкой снисходительности к собеседнику, который по наивности считает свое утверждение серьезным, обоснованным.

Ага, ему, видите ли, жарко! Мало ли что! Я два года служил в Узбекистане, там тоже жарко, так что же теперь — при исполнении служебных обязанностей штаны снимать? (М. Панин «Камикадзе»).

Но мы не можем ничего сделать. <...> — Но мать в психиатрической больнице... <...> — Мало ли что... У нас психобольных в районе знаете сколько? <...> — Но у дочери туберкулез... <...> — Мало ли что... Ведь не бациллярная же форма? <...> — Но они живут на кухне. <...> — Мало ли что! У нас семь тысяч комнат признано нежилыми (Л. К. Чуковская «Памяти Фриды»).

Адресат определяет степень приемлемости такого возражения с позиций вежливости в зависимости от коммуникативной задачи и социальной / ситуативной иерархии конкретной коммуникативной ситуации.

Итак, коммуникатив «Мало ли что» — окончательный этап грамматикализации конструкции риторического вопроса. В отличие от свободно построенной и наполненной конкретным лексическим содержанием конструкции, коммуникатив десемантизирован и идиоматизирован. Как устойчивая речевая формула он обладает дискурсивной универсальностью, позволяя быть использованным в качестве возражения в ответ на любое утверждение собеседника через использование

тактики преуменьшения значимости сказанного. Одновременно происходит «укол» собеседника, наивно считающего свое утверждение значимым. Коммуникатив используется в полемических диалогах как сильный прием, отчасти нарушающий принципы вежливости, чреватый возможностью конфликта.

Коммуникатив «А то!»

В толковом словаре Ожегова (Ожегов 1991) коммуникатив «А то» толкуется как уверенное согласие, подтверждение. Данный коммуникатив состоит из двух частиц, семантика которых внешне никак не связана с его интенциональным значением. Грамматикализация конструкции, содержащей сочетание двух частиц, переход ее в коммуникатив проходит в несколько этапов.

К первичному использованию данного сочетания следует отнести его функционирование в качестве союза, вводящего придаточное предложение при побудительной конструкции. Сочетание «а то» используется как союз или коннектор со значением «иначе, в противном случае». В высказываниях с помощью «а то» соединяется РА побуждения собеседника совершить действие и: а) указание на потенциальную негативную ситуацию при невыполнении указанного действия либо б) указание на реальную негативную ситуацию для ее устранения.

Иди поешь. А то а) ты сильно злая, когда голодная (А. В. Жвалевский, Е. Пастернак «Время всегда хорошее»).

Говорящий побуждает собеседницу совершить действие, чтобы не реализовалась потенциально плохая ситуация.

Подышим уличной копотью. А то б) ты совсем скис. (М. Петросян «Дом, в котором...»).

Говорящий побуждает собеседника совершить действие, чтобы устранить существующую негативную ситуацию.

Первым этапом грамматикализации сочетания «а то» является использование его во встречном вопросе для категорического подтверждения. Категоричность передается через ответ вопросом на вопрос, то есть через побуждение собеседника подумать (подумай сам!) о том, что он спрашивает ввиду естественности, банальности ответа для говорящего. К сочетанию «а то» добавляется отрицательная частица *не*, которая вводит цитатный компонент из реплики собеседника. *Смешно? — А то не смешно?!* Внешняя алогичность конструкции позволяет с предположить наличие в ней имплицитного компонента «скажешь что»:

— Так вы же мне только что сказали, что это ваши дети? — А то не наши? Самые наши дети... Тут только Сиверс заметил, что возница пьян, и порядочно. (И. Грекова «На испытаниях»).

= (Подумай сам) а то (ты скажешь, что) не наши.

Страшно? – А то не страшно, – бабка поддержала деда. — Милиция ездить боится! Постреляют... (К. Тахтамышев «Айкара»).

= (Подумай сам) а то (ты скажешь, что) не страшно.

На втором этапе грамматикализации (или на его «ответвлении» в другом типе контекстов) цитатная часть в ответной реплике заменяется фиксированным компонентом — указанием на ментальный статус собеседника «ты не знаешь».

Если в полемическом диалоге собеседник в ответ на намеки может отрицать свою причастность или знакомство с предметом обсуждения, говорящий может перейти к коммуникативной атаке с помощью оборота «А то (ты) не знаешь! / не понимаешь». В корпусе представлено около 30 примеров примера употребления данной конструкции.

— А говорят, он денежки кому-то не тому оставил... <...> — Что значит — не тому? (Говорящий делает вид, что не знает, о чем речь — И. Ш.) — А то ты не знаешь?! (В. Белоусова «Второй выстрел»).

«А то ты не знаешь?» = «А то ты (скажешь то, что) не знаешь?!»

— Да зачем так много? — удивился я. — А то не понимаешь? — Не понимаю. — А чтобы боялись, — объяснила старушка. (А. Богдан, Г. Пашкевич «Человек “Ч”»).

«А то ты не понимаешь?» = «А то ты (скажешь то, что) не понимаешь?!»

На третьем этапе грамматикализации ответная реплика окончательно переходит в коммуникатив. Переход эхо-реплики в коммуникатив происходит в контекстах ответа на общий вопрос или высказанное собеседником предположение. Путь грамматикализации идет по линии утери цитатного компонента через две последовательных ступени: 3.1 — замену цитатного компонента на частицу «нет», 3.2 — потерю частицы «нет». Рассмотрим обе ступени этапа 3 более подробно.

3.1 Цитируемый компонент заменяется на отрицательную частицу «нет». В результате формируется стереотипная дискурсивная единица «А то нет!» с фразовым ударением на частицу «то». Замена цитатного компонента на отрицательную частицу расширяет сочетательные возможности конструкции, превращает ее в универсальную реакцию на общий вопрос собеседника, подтверждение на основе приписываемой факту обсуждения общеизвестности, банальности, ввиду чего вопросы излишни:

— Страшно? — А то нет!
— Они, что, приехали? — А то нет!
— Он, наверное, согласится. — А то нет!

В случаях, когда тема речи касается говорящего или собеседника, конструкция приобретает дополнительные коннотации.

3.1.1. В случае неуверенности собеседника относительно возможностей говорящего, ответ «А то нет!» несет коннотацию легкого хвастовства:

— *Справишься?* — *говорит Пашке Антон.* — *А то нет!* — *важно отвечает Пашка.* (Н. Дубов «На краю земли»).

— *У тебя были дети?* — *строго спросил Трофим.* — *А то нет! Трoих родила, да на ноги-то поставить одного привелось.* (В. Тендряков «Находка»).

3.1.2. В конфликтных диалогах осуждающие намеки могут вызвать недоумение собеседника (искреннее или притворное), его просьбу подтвердить или опровергнуть стоящее за намеком осуждение. Реплика говорящего «А то нет!» в такой дискурсивной позиции наряду с подтверждением обретает дополнительную коннотацию укора в лукавстве:

Педагог выслушал сбивчивую речь и удивился: — *Настя Кусакина? У меня была такая?* — *А то нет!* — *потеряла всякую интеллигентность Инга Федоровна.* — *Ходила постоянно.* (Д. Донцова «Уха из золотой рыбки»).

У коммуникатива «А то нет» есть его вариация «А то как же». Можно сделать предположение, что данный коммуникатив произошел из контаминации его с близкой по семантике конструкции, риторического вопроса «А как же иначе?», также используемого в диалоге в качестве подтверждающей реплики.

А как же (возможно) иначе? = Иначе никак невозможно.

— *А актеры на репетициях сами тоже что-то придумывали?* — *А как же иначе-то? Не просто что-то придумывали, а сочиняли свои роли и спектакль* (О. Романцова. Сергей Женовач «Театр не может быть индивидуальным» // «Известия», 2003.01.30).

— *А вы для себя допускаете такую мысль?* — *Безусловно,* — *улыбнулся он и снова стал добрым и простым,* — *а как же иначе?* (Ю. О. Домбровский «Факультет ненужных вещей»).

В отличие от конструкции «А то нет!» легкое осуждение собеседника в «А как же иначе?» относится к способности собеседника рассуждать, делать рациональные выводы из какой-либо информации. Однако различие между конструкциями легко стирается ввиду общей реализации ими стратегии подтверждения, а близость форм приводит к их контаминации в новом коммуникативе.

«А то нет» + «А как же иначе» = «А то как же иначе».

Материалы НКРЯ демонстрируют, что формы «А то как же иначе» встречаются начиная с середины XIX века до наших дней.

За целость всего этого капитала не отвечаем и просим сложить с себя всякое нареkanie. — *Вот это верно, Мамка!* — *вскричал мой приятель и ударил меня по плечу.* — *А то как же иначе? Подумай! У тебя одного более чем на четыреста тысяч считается по спискам, да у меня с лишком на триста — это ведь и волос не хватит.* (А. А. Черкасов «Кара» (1883–1887)).

— *Скажи мне, посещаая клуб, ты все-таки делаешь что-нибудь* — *следишь?* *Пафнутьев засмеялся.* — *А то как же иначе!* — *ответил он.* — *Это уже само собою* (А. Е. Зарин «Потеря чести. Трагическая история»).

Стереотипизация использования контаминированной конструкции приводит к потере компонента «иначе» и переносу фразового ударения на частицу «то»: «А то как же!».

— Да что ж они, для тебя только и живут, что ли? — с горечью и обидой в голосе вскричал продавец ленкоранских лесов. — А то как же? Вот чудак — больше им жить для чего же? (А. Т. Аверченко «Телеграфист Надькин»).

— Ты что, и деньги еще с них берешь? — оторопел Колтунов. — А то как же?! — загыгыкал по обыкновению Кабан. — Согласно требованиям федеральных законов и ведомственных инструкций... (Д. Корецкий «Менты не ангелы, но...»).

Конструкции «А то нет» и «А то как же» синонимичны и взаимозаменяемы в большинстве контекстов, хотя «А то нет», как кажется, для подтверждения гипотезы характерен в меньшей степени. Однако данное предположение требует дополнительных исследований.

3.2. Дальнейшая стереотипизация, частое использование двух близких коммуникативов приводит к их дальнейшему упрощению. Каждый коммуникатив в результате регулярного использования теряет еще по одному компоненту — отрицательную частицу *нет* и частицу *как же*, превращаясь в единый коммуникатив «А то» Данный вариант имеет, однако, ограничение в области использования. На основе собранного в НКРЯ материала можно сделать вывод, что коммуникатив «А то» используется в основном при разговоре о предмете, касающемся зоны контроля говорящего лица. В подтверждающем ответе «А то» снисходительная коннотация по отношению к наивному собеседнику регулярно заменяется на шутливое самодовольство, хвастовство.

— Что за важность? — удивилась Емина. — Мы и куличи на Пасху пекем, так что такого? — Ку-ли-чи?! — А то! (А. Солженицын «В круге первом»).

— Что-то нашли? — голос его предвкушающе затрепетал. — А то! Зря, что ли, хлеб едим? (С. Данилюк «Бизнес-класс»).

Сокращение формы коммуникатива с необходимостью ведет к усилению роли интонации и жестово-мимического сопровождения, дополняющих в устной коммуникации речевые реакции. Как уже было говорилось выше, потеря полноты экспликации значения приводит к возрастанию экспрессивности и прагматики (Ш. Балли 2011: 51). Чем короче коммуникатив, чем меньше в нем сохраняется значимых компонентов, тем важнее становится роль паралингвистических средств языка (Шаронов 2015). Произнося коммуникатив «А то», говорящий автоматически откидывает голову назад и его лицо освещает самодовольная улыбка.

ВЫВОДЫ

В статье на основе теории грамматикализации рассматриваются способы дискурсивного упрощения и модификации грамматических конструкций, приводящие к формированию коммуникативов – коротких десемантизированных реплик. Рассматриваемые коммуникативы состоят всего из нескольких частиц и передают интенциональное значение подтверждения или возражения. Они формируются из подвида риторических вопросов, так называемых эхо-реплик, которые в результате грамматикализации подвергаются упрощению, идиоматизации и наполняются экспрессивными коннотациями. Коммуникативы «Мало ли что», «А то нет», «А то как же» и «А то» используются преимущественно в полемических диалогах. В исследовании рассмотрены возможности коммуникативов защищаться и наносить коммуникативные удары собеседнику, передавая намеки на его наивность или неуверенность.

Представляется, что исследования в рамках грамматикализации позволяют выявлять причины появления, характеризовать прагматические свойства и экспрессивный заряд коммуникативов, что, в частности, полезно для студентов-иностранцев, изучающих русский язык.

БИБЛИОГРАФИЯ

- BOUSFIELD & D., LOCHER, M. eds. (2008). *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- COULMAS, F. (1981) *Introduction: Conversational Routine. Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech*. 1-18. The Hague: Mouton 1981.
- CULPEPER, J. (2011). *Impoliteness. Using Language to Cause Offence*. Cambridge UP.
- EELLEN, G. (2001). *A critique of politeness theories*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- LEHMANN, C. (2004). Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 32 (22), 152–187.
- TRAUGOTT, E. C. (1995). Subjectification in grammaticalisation. *Subjectivity and subjectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- YOKOYAMA, O. (1990). Responding with a question in Colloquial Russian. Yokoyama, O. (ed.) *Harvard Studies in Slavic Linguistics, vol. I*, 175-194. Harvard University Slavic Linguistics Colloquium: Cambridge, MA.
- АРУТЮНОВА Н.Д. (1970): Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке. Научные доклады высшей школы. *Филологические науки*. 3, 44-58. Москва.
- БАЛЛИ Ш. (2011): *Французская стилистика*. Москва. Государственное издательство иностранной литературы.
- БРАГИНА Н.Г., ШАРОНОВ И.А. (2019). Педагогическая агрессия в русской бытовой коммуникации. *Russian Journal of Linguistics. Vol. 23 No. 4*, 975 – 994.
- БУЛЫГИНА Т.В., ШМЕЛЕВ А.Д. (1997). Диалогические функции вопросительных предложений. *Языковая концептуализация мира. Школа «Языки русской культуры»*. 263-270. Москва.

- ЗЕМСКАЯ Е.А. (1994) Категория вежливости в контексте речевых воздействий. *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. 131-136. Москва.
- ИССЕРС О.С. (2002) *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Москва. Едиториал УРСС.
- КУСТОВА Г.И. (2011) Косвенный речевой акт вопроса как средство речевой агрессии и негативной оценки в русской разговорной речи. *Вопросы культуры речи. Вып. 10*. 229-235. Москва. АСТ.
- ЛАРИНА Т.В. (2013) *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*. Языки славянских культур. Москва.
- НИКОЛАЕВА Т.М. (1990) О принципе "некооперации" и/или о категориях социолингвистического воздействия. *Логический анализ языка. Противоречивость и аномальность текста*. 225-235. Москва. Наука.
- ОЖЕГОВ С.И. (1991). *Словарь русского языка*. Москва. Русский язык.
- ПАДУЧЕВА Е.В. (2009). «Мало ли кто» и другие конструкции с имплицитным отрицанием. Конструкция «мало + S.gen». <https://docplayer.ru/28670-E-v-paducheva-malo-li-kto-i-drugie-konstrukcii-s-implicitnym-otricaniem-konstrukciya-malo-s-gen.html> (дата обращения 12.11.2020)
- ШАРОНОВ И.А. (2012) Коммуникативы в грамматике и в словаре. *Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения*. Сб. докладов. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Наука. 448-462. Москва. Флинта.
- ШАРОНОВ И.А. (2015). Поиск и описание коммуникативов на основе национального корпуса русского языка. *Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход*. 145-187. Москва. Языки славянской культуры.
- ШВЕДОВА Н.Ю. (1960). *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*. Москва. АН СССР.

REFERENCES

- ARUTYUNOVA N.D. (1970): Nekotorye tipy dialogicheskikh reakcij i «pochemu»-repliki v russkom yazyke. Nauchnye doklady vysshej shkoly. *Filologicheskie Nauki*. 3, 44-58. Moskva.
- BALLI SH. (2011): *Francuzskaya stilistika*. Moskva. Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoј literatury.
- BOUSFIELD & D., LOCHER, M. eds. (2008). *Impoliteness in language: Studies on its interplay with power in theory and practice*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- BRAGINA N.G., SHARONOV I.A. (2019). Pedagogicheskaya agressiya v russkoј bytovoj kommunikacii. *Russian Journal of Linguistics*. Vol. 23 No. 4, 975 – 994.
- BULYGINA T.V., SHMELEV A.D. (1997). Dialogicheskie funkcii voprositel'nyh predlozhenij. *Yazykovaya konceptualizaciya mira. SHkola «Yazyki russkoј kul'tury»*. 263-270. Moskva.
- COULMAS, F. (1981) Introduction: Conversational Routine. *Conversational Routine: Exploration in standardized communication situations and prepatterned speech*. 1-18. The Hague: Mouton 1981.
- CULPEPER, J. (2011). *Impoliteness. Using Language to Cause Offence*. Cambridge UP.

- EELLEN, G. (2001). *A critique of politeness theories*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- ISSERS O.S. (2002). *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi*. Moskva. Editorial URSS.
- KUSTOVA G.I. (2011). Kosvennyj rechevoj akt voprosa kak sredstvo rechevoj agressii i negativnoj ocenki v russkoj razgovornoj rechi. *Voprosy kul'tury rechi. Vyp. 10*. 229–235. Moskva. AST.
- LARINA T.V. (2013). *Anglichane i russkie: yazyk, kul'tura, kommunikaciya*. Yazyki slavyanskih kul'tur. Moskva.
- LEHMANN, C. (2004). Theory and method in grammaticalization. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*, 32 (22), 152–187.
- NIKOLAEVA T.M. (1990). O principe "nekooperacii" i/ili o kategoriyah sociolingvisticheskogo vozdejstviya. *Logicheskij analiz yazyka. Protivorechivost' i anomal'nost' teksta*. 225-235. Moskva. Nauka.
- OZHEGOV S.I. (1991). *Slovar' russkogo yazyka*. Moskva. Russkij yazyk.
- PADUCHEVA E.V. (2009). «Malo li kto» i drugie konstrukcii s implicitnym otricaniem. Konstrukciya «malo + S.gen». <https://docplayer.ru/28670-E-v-paducheva-malo-li-kto-i-drugie-konstrukcii-s-implicitnym-otricaniem-konstrukciya-malo-s-gen.html> (data obrashcheniya 12.11.2020).
- SHARONOV I.A. (2012) Kommunikativy v grammatike i v slovare. *Russkij yazyk segodnya. Vyp. 5. Problemy rechevogo obshcheniya*. Sb. dokladov. In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN. Nauka. 448-462. Moskva. Flinta:
- SHARONOV I.A. (2015). Poisk i opisanie komunikativov na osnove nacional'nogo korpusa russkogo yazyka. *Metody kognitivnogo analiza semantiki slova: komp'yuterno-korpusnyj podhod*. 145–187. Moskva. Yazyki slavyanskoj kul'tury.
- SHVEDOVA N.YU. (1960). *Ocherki po sintaksisu russkoj razgovornoj rechi*. Moskva. AN SSSR.
- TRAUGOTT, E. C. (1995). *Subjectification in grammaticalisation. Subjectivity and subjectivisation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- YOKOYAMA, O. (1990). Responding with a question in Colloquial Russian. Yokoyama, O. (ed.) *Harvard Studies in Slavic Linguistics, vol. I*, 175-194. Harvard University Slavic Linguistics Colloquium: Cambridge, MA.
- ZEMSKAYA E.A. (1994). Kategoriya vezhlivosti v kontekste rechevyh vozdeystvij. *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevyh deystvij*. 131-136. Moskva.